
УДК 821.161.1+2+13
ББК 83.3(2=411.2)+86
<https://doi.org/10.22455/2619-0311-2020-3-140-157>

Катерина Корбелла

**Диво Барсотти: человек, Бог и Христос
в произведениях Достоевского***

Caterina Corbella

**Divo Barsotti: Man, God, and Christ
in Dostoevsky's Works**

Об авторе: Катерина Корбелла, научный сотрудник научно-исследовательского центра «Достоевский и мировая культура», ИМЛИ РАН; преподаватель филологического факультета ПСТГУ (Москва).

E-mail: cate.corbella@gmail.com

Аннотация: в статье рассматривается книга католического мыслителя о. Диво Барсотти «Достоевский. Христос – страсть жизни». Работа продолжает начатое в прошлом году исследование толкования Ф.М. Достоевского католическими религиозными мыслителями и богословами, что позволяет, с одной стороны, обнаружить новые пути взаимодействия литературы и богословия, с другой – увидеть какой вклад творчество Достоевского внесло, хотя и косвенным образом, в изменение католического мира после второго Ватиканского Собора. Статья представляет книгу, ее структуру и главные содержательные моменты в попытке выявить особенности восприятия текстов Достоевского со стороны Барсотти. В частности, внимание сосредоточивается на понятии морального закона в человеке как свидетельства о существовании Бога, и также на толковании «символа веры» Достоевского и, следовательно, на том, кто есть Христос для Барсотти и Достоевского.

Ключевые слова: богословие Достоевского, Диво Барсотти, католическое богословие, Достоевский, моральный закон, богословие и литература.

Для цитирования: *Корбелла К.* Диво Барсотти: человек, Бог и Христос в произведениях Достоевского // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2020. № 3(11). С. 140-157.

<https://doi.org/10.22455/2619-0311-2020-3-140-157>

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90023 / The reported study was funded by RFBR according to the research project No. 18-012-90023.

About the author: Caterina Corbella, Associate Researcher at the Centre “Dostoevsky and World Culture”, Gorky Institute of World Literature RAS; teacher at St. Tikhon Orthodox University for Humanities (Moscow).

E-mail: cate.corbella@gmail.com

Abstract: The article discusses the book by fr. Divo Barsotti “Dostoevsky. The Passion for Christ”. It carries a research project on the interpretation of F.M. Dostoevsky’s works by Catholic religious thinkers and theologians started in 2019. On the one hand, these analyses allow us to discover new ways of interaction between literature and theology, while highlighting Dostoevsky’s, although indirect, contribution to the change of the Catholic world after the second Vatican Council. The article presents the book, its structure, and main contents, and attempts to identify the peculiarities of Barsotti’s reception of Dostoevsky’s texts. Attention is focused on the concept of moral law as an evidence of the existence of God, and on the interpretation of Dostoevsky’s “profession of faith” and, consequently, on who Christ is for Barsotti and Dostoevsky.

Keywords: Dostoevsky’s theology; Divo Barsotti; Catholic theology, Dostoevsky, moral law; theology and literature.

For citation: Corbella C., Divo Barsotti: Man, God, and Christ in Dostoevsky’s Works. *Dostoevsky and World Culture. Philological Journal*, 2020, No. 3(11). Pp. 140-157.

<https://doi.org/10.22455/2619-0311-2020-3-140-157>

Отец Диво Барсотти (1914 г. – 2006 г.), монах и священник, но также поэт, писатель и мистик – яркая фигура итальянского католицизма XX века. Автор более 150 книг, за которым также числится заслуга знакомства итальянского католического общества с богатством православной традиции, прежде всего посредством работы *Cristianesimo russo*, «русское христианство», изданной впервые в 1948 г¹. Именно русская духовность вдохновляет Барсотти на создание «Общины чад Божиих» – большой «религиозной семьи», в которой миряне (женатые или нет) и священники живут «монашеской жизнью»². Речь идет о монашестве, которое, однако, осу-

¹ В предисловии к последнему, третьему, изданию А. Дель Аста пишет: «встреча Барсотти с Россией, как и родившая от этой встречи книга, которая здесь представляется, *Русское христианство*, стали поворотом во взгляде на Россию и на ее религиозную историю, и “неслучайно до сегодняшнего дня многие общепринятые в итальянской богословской литературы суждения о русской духовности имеют свои корни” именно в этой книге» [Barsotti, 2017, p. 5]. Дель Аста также отмечает, что многие из этих теперь общепринятых утверждений о Православии, в то время прозвучали для католиков как очень резкие и совсем неприемлемые [Barsotti, 2017, p. 5].

² «Quello che distingue la Comunità dei Figli di Dio è precisamente questo: siamo dei monaci, ma siamo padri di famiglia, siamo dei monaci, ma viviamo nella professione, viviamo nella scuola, nella banca, nel negozio, nei campi, ovunque... proprio perché questo è il cristianesimo:

ществляется не в монастыре, а в миру: интересно заметить, как слова старца Зосимы Алеше Карамазову, «благословляю тебя на великое послушание **в миру**» [Достоевский 1972–1990, т. 14, с. 71], нашли особое воплощение не только в «Общине чад Божиих», но и во многих общинах, родившихся во второй половине XX века в лоне католической Церкви.

Данная статья посвящена книге Барсотти *Dostoevskij. La passione per Cristo*, опубликованной впервые в Италии в 1996 г., недавно переизданной в третий раз в 2018 г. крупным католическим издательством «Сан Паоло». Родственному «Сан Паоло» издательству «Паолине» мы обязаны русским переводом, появившимся в 1999 г. под названием «Достоевский. Христос – страсть жизни». Статья продолжает работу, начатую в прошлом году с анализа книги «Человек и вера» итальянско-немецкого богослова Романо Гуардини, также посвященной Достоевскому (см.: [Корбелла, 2019¹; Корбелла, 2019²]). Углубленное прочтение работ о Достоевском, написанных католическими мыслителями XX века, позволяет, с одной стороны, обнаружить новые пути взаимодействия литературы и богословия, с другой – увидеть какой вклад творчество Достоевского внесло, хотя и косвенным образом, в изменение католического мира после второго Ватиканского Собора. Вышеупомянутое явление «монашества в миру» – лишь один пример возможных путей скрытого, но глубокого влияния, или по крайней мере созвучия.

Работы Романо Гуардини и Диво Барсотти о Достоевском имеют много общего. В обоих случаях они являются плодом долгого общения с писателем – в случае Барсотти, начиная уже с 40-ых годов. Обе книги не являются ни филологическими, ни богословскими работами в узком понимании, и в них разговор ведется напрямую с Достоевским (в них нет никакого аппарата критической литературы); также они не единственные работы такого рода в библиографии

lievito che deve sollevare tutta la massa, regno di Dio che si costruisce in questo regno presente. Noi siamo – o meglio vogliamo essere – il mondo futuro calato veramente nel mondo presente, ma non andando nel deserto o chiudendoci in un monastero con la clausura e la perfetta solitudine: vogliamo che gli uomini si incontrino con Dio incontrandosi con noi. Ecco tutto». D. Barsotti, Adunanza del 6 gennaio 1966 a Firenze, Archivio Divo Barsotti (Settignano, FI). Архивный документ.

обоих авторов³. Как это было и у Гуардини, книга Барсотти является выполнением долга благодарности. Во вступлении написано: «Какой вес и какое значение может иметь мое слово в бескрайнем ряду публикаций, составляющих библиографию Федора Михайловича Достоевского? <...> мне нужно отдать долг. Да, многим обязан я Достоевскому и должен писать о нем не только в знак благодарности, но и как честный человек» [Барсотти, 1999, с. 11].

Долг Барсотти русскому романисту вовсе не абстрактное дело: чтение Достоевского влияло самым прямым образом на его судьбу. В разговоре со своими духовными чадами он утверждает: «Я обратился, потому что я читал Достоевского. Если бы я не читал Достоевского, то сейчас я не был бы священником, я говорю вам честно; я был бы сейчас писателем, поэтом, кем угодно – но не священником, может быть, даже не христианином»⁴. Будучи семинаристом Барсотти мечтал стать писателем и поэтом – и потому собрался бросить призвание, однако, «читая Достоевского, [я] усвоил: чтобы стать большим писателем, необходим большой опыт, на которой не может рассчитывать человек, не встретивший Бога, или хотя бы не познавший пустоту Его отсутствия» [Барсотти, 1999, с. 11]. Эти слова, содержащиеся во вступлении, дают первый, важный элемент для дальнейшего анализа: в них утверждается существование в жизни человека некоего «великого опыта», который подразумевает его общение с Богом. Лишь проходя через этот опыт, писатель становится «великим», и чтобы получить его, Барсотти принимает решение остаться в семинарии – продолжить свой опыт общения с божественной Тайной, вместо того чтобы следовать за своим проектом, основанным на собственных талантах и способностях.

Во вступлении также впервые встречается выражение «страсть ко Христу», которое дает название книге: «возможно, меня пробудила от сна его **страсть ко Христу**, как не пробудил прежде ни Мандзони с его видением Промысла, ни Данте с его богословием» [Барсотти, 1999, с. 12], т.е. главные католические писатели итальянской литературы. Продолжает Барсотти:

³ Среди своих трудов, Барсотти написал книги о религии итальянского лирика Дж. Леопарди и священном в итальянской литературе XX века. Про Гуардини см.: [Корбелла, 2019¹, с. 148].

⁴ «Mi sono convertito perchè ho letto Dostoevskij, e se non leggevo Dostoevskij a quest'ora non ero prete, ve lo dico schiettamente; a quest'ora sarei stato scrittore, poeta, quello che volete, ma non prete e forse nemmeno cristiano». D. Barsotti, Adunanza del 6 gennaio 1980 a Firenze, Archivio Divo Barsotti (Settignano, FI). Архивный документ. Перевод мой – К.К.

Достоевский прямо о Христе не говорит, и тем не менее, Христос – основной и постоянно присутствующий в его романах персонаж. Человеческая жизнь у Достоевского имеет такую глубину, какую, по-видимому, познал он один. Дело не просто в этике. Дело в той драме, которую переживает человек. Бог живет в человеке; Его присутствие преображает человека, наполняя его миром и, главное, стремлением любви, но это же присутствие судит его и выносит ему приговор. Незримый, Бог главенствует в повествовании, и роман становится почти священной мистерией. Читая Достоевского, я познакомился с этой глубиной жизни, которая имеет, по сути, религиозный характер, понял, что Бог – живой и что в жизни человек непременно с ним имеет дело. Мир не ирреален, и люди не призраки, но, как я узнал, за событиями, происходящими с людьми, стоит более истинная и тайная реальность [Барсотти, 1999, с. 12].

Эта обширная цитата уже содержит вкратце главные моменты, на которых будет сосредоточиваться внимание Барсотти в книге, и которым будет посвящена данная статья.

Книга Барсотти разделена на четыре части, первая из которых носит название «Человек и писатель». Выговаривается на этих страницах важная для Барсотти предпосылка, сильно влияющая на всю работу: произведения Достоевского являются автобиографичными в том смысле, что в словах и поступках своих героев Достоевский рассказывает о себе, о том, что он сам узнал на «долгом и трудном пути» своей жизни. «Подобно любому истинно великому писателю, наш автор в каждом романе пишет о себе и раскрывает себя» [Барсотти, 1999, с. 17]: Ставрогин и Свидригайлов свидетельствуют о некоей бездне зла, знакомой романисту, также как и светлые фигуры старца Зосима, Макара, Алеши представляют собой «тот идеал, к которому стремился Достоевский в последние годы жизни» [Барсотти, 1999, с. 17].

Способность охватывать всю ширину человеческой души в добре, как и во зле свидетельствует о том, что Достоевский по-настоящему проживал некий «великий опыт», который ему позволил стать «великим писателем». Важно, однако, подчеркивать, что среди всех пережитых им опытов опыт встречи со Христом выделяется как клю-

чевой. Этот опыт – опыт милосердия. Удивительным образом, книга начинается злобной цитатой из письма Страхова Льву Толстому:

Я не могу считать Достоевского ни хорошим, ни счастливым человеком... Он был зол, завистлив, и он всю жизнь провел в таких волнениях, которые делали бы его жалким и делали бы его смешным, если бы он не был при этом так зол и так умен <...> Это видно в его романах. Лица, наиболее на него похожие – это герой «Записок из подполья», Свидригайлов в «Преступлении и наказании» и Ставрогин в «Бесах» [цит. по Барсотти, 1999, с. 15].

Барсотти приводит эти слова не для того, чтобы защищать любимого автора от нападений, наоборот они становятся поводом, чтобы сразу сообщать читателю важную для него мысль: каким бы плохим не был Достоевский, его величие как писателя и как христианина от этого не страдает, поскольку «христианин – не хороший человек; он – человек искупленный!» [Барсотти, 1999, с. 16]. Барсотти продолжает, определяя Достоевского как «свидетеля Христова»:

Каждый человек сам по себе способен на любой грех; и если он избегает падений – то исключительно по Божьему милосердию. <...> Грех становится условием милосердия, и у отношения Бога с человеком нет иного основания, кроме Его бесконечного милосердия. Поэтому-то свидетель Христов – тот, кто по благодати Христовой оказывается по ту сторону бездны зла <...> в действительности именно Достоевский – один из величайших свидетелей христианства в мировой литературы [Барсотти, 1999, с.16].

Свидетельство проявляется в той любви к Христу, которую овладевал Достоевский в течение всей жизни. Именно любовь к Христу, умилосердившему над ним, делает Достоевского по-настоящему «смирненным» и отличает его от Толстого⁵. Тот факт, что величие Достоевского состоит не в его способностях и заслугах, а в этой бесконечной любви к Тому, который постоянно прощает и обнимает

⁵ «Достоевский умел любить Христа так, как не было дано Толстому, который поставил себя над Церковью – естественно, нисколько в этом не раскаиваясь. Достоевский может показаться более нелюдимым и гордым, но у него есть и свое смирение – смирение человека, умеющего любить» [Барсотти, 1999, с. 19-20].

его, является также причиной, по которой Достоевский вызывает в читателях «противоположные реакции» [Барсотти, 1999, с.20].

Работа Барсотти сосредоточивается на Пятикнижии. По мнению автора, оно отличается от всего остального, написанного Достоевским. Два произведения венчают его: «Записки из подполья» и «Сон смешного человека»; первый – как свидетельство абсолютного зла, второй – как видение братского единения в любви⁶. Вторая часть придумана именно как отдельное представление каждого из пяти великих романов, и носит название: «Герои Пятикнижия».

Название уже говорит о том, что внимание Барсотти будет сосредоточиваться на действиях и словах персонажей: именно в них он будет искать «заветные мысли» писателя⁷. Для каждого романа дается характеристика главных героев, однако, список лиц неизбежно получается выборочным. Барсотти, как выясняется в других местах книги, сосредоточивает свое внимание на персонажах, которые более явно показывают в себе проявления Божьего или дьявольского образа, становясь святыми или проклятыми. Таким образом, например, среди Карамазовых выделяются в книге Алеша и Иван – Митя, хотя и упомянутый, остается в тени двух братьев. После представления каждого отдельного романа выдвигаются на первый план три героя, «знаменующие» собой весь путь Достоевского: Соня Мармеладова, Князь Мышкин, Алеша Карамазов. Однако, есть и другая постоянно возвращающаяся «троица» в повествовании Барсотти: «три Сони», олицетворение Софии Премудрости Божией, несущие тихий, но

⁶ Оценка Барсотти этого произведения – отрицательная: «На пути от “Преступления и наказания” к “Братьям Карамазовым” религиозное содержание произведений становится все более заметным, но в то же время оно как будто претерпевает своеобразную деградацию, которая особенно явно проявляется в рассказе “Сон смешного человек”: Достоевский описывает здесь последнее исполнение упований, излагая сон о людях, наконец обретших спасение. История кончается не лицезрением Бога, а всего лишь братским единением людей между собой: Бог в этом видении отсутствует» [Барсотти, 1999, с. 179-180].

⁷ «Глубинный смысл творчества Достоевского обнаруживается в персонажах его романов. Величие писателя – и в богатстве, жизненности многочисленных действующих лиц, населяющих романы. И именно потому, что персонажи необыкновенно правдоподобны в своей жизненности, они могут, в большей степени, чем абстрактное доказательство, приобщить нас к той сокровенной весте, которая в них заключена <...> Романы Достоевского увлекательны не чистым повествованием о событиях; повествование дает нам метафизическое и религиозное видение всей реальности и главное – жизни людей» [Барсотти, 1999, с.27].

всегда определяющий свет в романах «Преступление и наказание», «Бесы» и «Подросток». Именно благодаря ним Барсотти восклицает: «Женщины в романах Достоевского – удивительные творения!» [Барсотти, 1999, с. 171].

На Пятикнижие Барсотти смотрит как на «новую Божественную Комедию», где путешествие через Ад, Чистилище и Рай осуществляется в каждом произведении не как перемещение в пространстве, а как входение в глубину человеческого сердца [Барсотти, 1999, с. 28]. Как и Комедия, Пятикнижие является свидетельством прожитого опыта, но также суждением и пророчеством, что придает ему сакральный характер священной мистерии. В своем диахроническом измерении Пятикнижие является путем взросления, в течение которого некие важные темы постоянно возвращаются, углубляются. На самом деле, постоянное возвращение к одним и тем же темам является характеристикой прежде всего стиля самого Барсотти. В отличие от строгости мышления и структуры, которая наличествует у Гуардини⁸, в книге отсутствует четкая логика изложения, и только названия частей становятся слабым ориентиром в дискурсе, который постоянно возвращается к одним и тем же вопросам и утверждениям. Барсотти удивляется, возмущается, испытывает восторг или негодование прямо на глазах у читателя. То, что он любит, но также и то, что ему трудно понять или принять в текстах Достоевского, всегда на виду, и речь автора постоянно влечется именно к этим местам, неважно, с какими намерениями он начал параграф. В силу сказанного будет уместно пересказать здесь суждение автора по поводу каждого из пяти великих романов, которое звучит впервые в первой части (в параграфе под названием «Введение к романам»), но обогащается в течение всей книги благодаря особой динамике ее изложения.

«Преступление и наказание» безусловно является любимым Барсотти произведением («самое совершенное с точки зрения композиции» [Барсотти, 1999, с. 35]), содержащим, как семя, все главные темы следующего творчества. Соня Мармеладова определяется как «самый высокий образец святости» [Барсотти, 1999, с. 43]; она, больше всех остальных героев, переживает «живой опыт общения с личным Богом», что повторяется неоднократно [Барсотти, 1999,

⁸ Очевидно, это исходит из разницы в формах мышления: достаточно вспомнить, что Гуардини – немецкий богослов, а Барсотти – тосканский мистик. Это не отрицает близости ряда их суждений и несомненную близость в понимании Христа и Христианства. Главная разница между ними в разговоре о Достоевском состоит в суждении об образе князя Мышкина. См.: [Корбелла, 2019¹].

с. 43]. Ей принадлежит «самое ясное, открытое и торжественное исповедание веры во всем творчестве Достоевского» [Барсотти, 1999, с. 155]. Однако, Соня – проститутка, и из-за ее положения она отлучена от жизни Церкви; в том же романе милосердие Бога славится через уста ее пьяного отца. Барсотти показывает, как дистанция между «нравственностью» и «религиозностью» у Достоевского направлена не к оппозиции этих понятий, а к выявлению разницы между ними. Качественная разница между ними возводится до крайности не для того, чтобы их как-то противопоставить, а именно для того, чтобы подчеркнуть, что это отдельные, различные между собой понятия⁹. Отсутствие в первом романе «исторической» Церкви - храмов, монастырей, священников, таинств... – остается тем не менее для Барсотти волнующим фактором.

«Братья Карамазовы» Барсотти часто упоминает рядом с первым романом, поскольку, по его мнению, «из пяти великих романов подлинное и пророческое христианство выявляется во всей своей красоте и силе только в первом и в последнем» [Барсотти, 1999, с. 23]. В этом произведении частично разрешается вопрос о роли «исторической» Церкви, прежде всего через присутствие Зосимы; также в наставлениях старца «религиозность» и «нравственность» наконец-то находятся рядом, предполагается, что основы этической жизни надо искать в религиозной жизни [Барсотти, 1999, с. 155]. К «Братьям Карамазовым» Барсотти обращается как к неоконченному произведению, и часто возвращается к вопросу, каким бы явился Алеша в осуществлении своей миссии «в миру», если бы Достоевский закончил свою работу [Барсотти, 1999, с. 129]. Тем не менее, роман остается для него высшим духовным наследием писателя, в котором больше всего проявляется его «эсхатологический» характер [Барсотти, 1999, с. 22]. В качестве заключения к книге Барсотти подробно комментирует два отрывка этого романа – легенду о Великом инквизиторе и наставления старца Зосимы – как взаимодополняющие тексты, которые составляют «высочайшее и совершеннейшее выражение» мира, сотворенного Достоевским [Барсотти, 1999, с. 237].

⁹ «Действительно, у Достоевского мораль не отождествляется с религией. <...> Чему же хочет научит нас Достоевский? Он доводит до крайнего парадокса качественное различие, но не противопоставляет религию морали. Природа не противопоставит благодати» [Барсотти, 1999, с. 152].

Остальные произведения прочитываются как промежуточные шаги пути, который ведет от первого к последнему роману. «Бесы» – великое пророчество, «широкая картина зла» [Барсотти, 1999, с. 22], где показаны разные истории о потере человеческого лица из-за решения отречься от Бога. Однако и в этом тексте видно присутствие света, пребывающего даже в самом темном мире¹⁰: он проявляется в главе «У Тихона»¹¹, и во встрече Степана Трофимовича с Софьей Матвеевной, в его смиренной смерти. «Подросток» определяется как «наименее удачный» [Барсотти, 1999, с. 22] среди романов, хотя часто упоминается в течение книги святость Макара и Сони. Заметно, что полностью игнорируется сам подросток: в списке персонажей кроме супругов упоминается лишь Версилов, и ему выделяется роль главного действующего лица [Барсотти, 1999, с. 98].

Отдельный разговор требуется в связи с «Идиотом», в котором Барсотти видит рассказ о противопоставлении «любви-жалости», свойственной князю Мышкину, и «любви-страсти», свойственной Рогожину. Настасья Филипповна является объектом любви в обеих формах, и оба ведут ее к смерти, поскольку настоящая, спасающая любовь состоит из жалости и страсти одновременно, и именно потому, что она и страсть, она всегда направлена к отдельной личности. Любовь Сони к Раскольникову и любовь Шатова к предавшей его жене свидетельствуют именно об этом. Князь Мышкин хотел любить всех, но в итоге не любил никого. Достоевский в князе хотел изобразить Христа, однако, попытка не удалась, прежде всего потому, что «князь – образ Христа, но он не “друг Христу” <...> Христос – лишь образец» [Barsotti, 2018, p. 171]¹². Претензии к этому образу разные – в частности, для Барсотти большую проблему составляют резкие слова князя по поводу католической Церкви – однако, главная претензия – это «отсутствие набожности и даже, как будто, безразличие в вере» [Барсотти, 1999, с. 153-154]. Автор часто

¹⁰ Барсотти утверждает по поводу положительных героев Достоевского, не только в «Бесах»: «В них-то и присутствует добро, которое есть в мире; добро сокровенно и неведомо. Оно не творит историю; оно очищает и спасает <...> При первом чтении кажется, что Достоевский – писатель темного мира зла, и все же, тайно и сокровенно живет в этом мире добро, и, собственно, благодаря этому присутствию мир продолжает существовать. Присутствие Бога – под знаком смирения и безмолвия – действует, очищает мир и спасает его» [Барсотти, 1999, с. 228-229].

¹¹ Остается вопрос, знал ли Барсотти о том, что окончательная версия не содержала этот текст. Возможно, нет, потому что он никак не упоминает вопрос о цензуре. Из-за коvida не смогли проверить в Италии, с какими текстами работал Барсотти.

¹² Перевод мой – К.К.

упоминает молчание Мышкина перед вопросом Рогожина, верит ли он в Бога, и исходя из этого неоднократно утверждает, что князь в Бога не верит. Однако, важно заметить, что в единственном месте, где Барсотти обширно цитирует «не-ответ» Мышкина, он сам предлагает, кажется, совсем иную возможность толкования этой сцены:

«Слушай, Парфен, ты давеча спросил меня, вот мой ответ: сущность религиозного чувства ни под какие рассуждения, ни под какие проступки и преступления ни под какие атеизмы не подходит; ... тут что-то такое, обо что вечно будут скользить атеизмы и вечно будут *не про то* говорить». Слова князя удивительны. Вера в Бога – это не итог рассуждений, а более или менее сильное изначальное чувство. Бог предстает человеку так, что тот не может отвергать Его: разум не в состоянии пересилить опыт. Жизнь предполагает это присутствие Бога, и Бог (пусть в тайне и незримо) становится главным персонажем всего творчества Достоевского [Барсотти, 1999, с. 180-181].

Третья и четвертая часть книги носят название соответственно «заветные мысли Достоевского» и «Богословие Достоевского». Темы и вопросы в этих страницах очень сильно переплетаются, хотя, как указано в названиях третья старается скорее обнаружить некое «послание» Достоевского своим читателям, а четвертая сосредоточивается на нескольких главных философско-богословских вопросах (существование Бога, отношение добра и зла, любви и истины...) с целью выявить как их решает Достоевский в своем творчестве.

Во второй половине книги усиливается тенденция ставить под вопрос мысли Достоевского с точки зрения христианской истины. Верит ли Достоевский в Бога, или для него Бог – это только «русский Бог»? Христос для него – это факт или миф? Модель, или личность, с которым выстраивается личное отношение? Три главных претензии Барсотти к Достоевскому следующие: 1) Склонность умалять Бога, сводить Его к «русскому Богу» или к «матери Земле». В обоих случаях теряется трансцендентность Бога; в случае культа «великой матери Земли» есть риск – вернуться от Христианства (факт) к язычеству (миф). О таких склонностях Барсотти говорит именно как об «испытаниях», успешно пройденных Достоевским. Они проявляются прежде всего в «Бесах», однако, именно там они находят свое опровержение. Все же тень «русского Бога» остается,

по мнению Барсотти, до конца жизни Достоевского: в наставлениях старца Зосима мы все еще можем найти отсылки к мессианской роли русского народа. Алеша («Братья Карамазовы») и Макар («Подросток») успешно преодолевают искушение обожествления земли. 2) Недоверие, иногда даже полное отвержение исторической и иерархической Церкви – и нападки на католичество как худшее выражение ее. Его обвинения ошибочны, однако, по мнению Барсотти, через них Достоевский хочет свидетельствовать о том, что «Церковь не может заменить личность Христа, не может самонадеянно полагать, что ей удастся предварить второе пришествие, – ни обеспечив людям внутренний мир (потому что она все равно никогда не сможет им ему дать), ни одержать победу над всякой неправдой» [Барсотти, 1999, с. 165]. 3) Самый спорный момент – присутствие или отсутствие у Достоевского и у его героев опыта личного отношения с Богом, который Сам является Личностью. Такое отношение по мнению Барсотти явно присутствует лишь в Соне Мармеладове. Что это значит, можно понять из слов, которые Барсотти использует, чтобы объяснить почему все «правильные» качества князя Мышкина не делают из него образа Христа:

Обожение проистекает из отношений любви, которые делают нас едины со Христом, обожение это «следствие» отношений; но основополагающая роль принадлежит именно отношениям. Важно не преобразование человека, а его молитва. Молитва незаметнее, она иногда кажется пустой, бесполезной, чуть ли не обманом, чем-то не имеющим реального наполнения, но если ты действительно можешь разговаривать с Богом, то больше, выше этого ничего не может быть. Ты хочешь говорить с Ним, как говорили с Ним Петр и Иоанн, как говорила с Ним Его мать. Он сделался человеком. Отними истинные отношения любви, и апофеозом духовной жизни становится лишь буддистское освобождение: никакого спасения [Барсотти, 1999, с.195].

Вопросы в книге никогда не становятся неотвратимыми суждениями: Барсотти всегда старается быть честным и не умалять замысел Достоевского; также, благодарность Барсотти побуждает всякое умаление, которое он может найти в произведениях любимого автора. Однако, последний суд Истины остается неизбежным. Можно сказать, что на протяжении книги Барсотти, как и Достоевский, находятся перед Истиной, и мысли автора, как и мысли

Достоевского, не имеют ценность сами по себе, а лишь в той мере, в какой они освещают ее тем или иным образом. Поскольку все мы – грешники, у всех нас будут свои «недостатки» в ведении Истины¹³: спасает нас любовь, которую Истина испытывает к нам – и потому все наши ошибки не смогут затемнить величия, которое в нас открывается каждый раз, когда мы соглашаемся на ее любовь. Спасает нас, в итоге, Христос – именно как любящая, и, в случае Достоевского, также любимая личность, в которой Истина открывается нам как милосердие.

В центре произведения Достоевского всегда находится борьба между добром и злом, утверждает Барсотти [Барсотти, 1999, с. 202]. Эта борьба, с одной стороны, раскрывает присутствие Бога и дьявола как сил, действующих в истории мира и превосходящих человека; с другой – показывает, как именно внутри себя каждый человек познает существование добра и зла, *и потому* – существование Бога-Творца. Во вступлении Барсотти говорит о «великом опыте», который всегда тем или иным образом касается встречи с Богом: этот опыт в книге связан прежде всего с узнаванием неуничтожимого морального закона внутри себя.

Раскольников и Иван Карамазов показывают, какие следствия для человека имеет преступление: человек не может безнаказанно переступить закон¹⁴. «Если Бога нет, все позволено» – говорит Иван; но человек не может отвергнуть закон: он может нарушить его, однако все равно чувствует, что существует закон, который вызывает у него чувство вины и осуждает его. Обязательность нравственного закона есть доказательство бытия Божия» [Барсотти, 1999, с. 156].

¹³ «Данте Алигьери тоже сурово обличал пап и многих из них поместил в Ад, но ведь даже у величайших святых и мистиков Церкви мы можем найти какие-то недостатки. Никакому человеку не дано осуществить в мысли и в жизни, полноту христианской тайны» [Барсотти, 1999, с. 145].

¹⁴ Барсотти так перечитывает и комментирует последний диалог Смердякова с Иваном Карамазовым: «Иван может сам обвинять себя в преступлении, но ни один судья не принимает данное обвинение в отцеубийстве. Иван может говорить, что он не верует, но это не снимает чувства Присутствия, – Присутствия, которое выносит ему приговор: “Все тогда смели были-с, ‘все, дескать, позволено’, говорили-с, а теперь вот так испугались!” – бросает ему в лицо Смердяков. <...> Смердяков признает то, что Иван еще не в состоянии признать: есть между ними свидетель и судья, безмолвный, но реальный – Бог. <...> Смердякова приговаривают не люди; он чувствует, что приговор ему выносит Судья, от Которого не скрыться, и сам лишает себя жизни» [Барсотти, 1999, с. 189-190].

Таким образом, Барсотти «переворачивает» слова Ивана: «Не все позволено, следовательно Бог есть» [Барсотти, 1999, с. 156].

Моральный закон утверждает существование Бога не только тогда, когда человек поступает худо, но и тогда, когда он поступает добро: «доказательств бытия Божия у Достоевского два: мучение, последующее грехопадению, и радость чистой и большой любви» [Барсотти, 1999, с. 188]. Настоящая любовь всегда свидетельствует о вечности, «любящий не может не веровать в Бога. Доказательство “от любви” которое прозвучало из уст Степана Трофимовича, это не совсем философское доказательство, это нечто больше, некоторый опыт Бога. Бог являет себя в самой любви человека, который любит» [Барсотти, 1999, с. 182]. Именно поэтому в «Братьях Карамазовых» Алеша может говорить Ивану, что любовь к жизни – это уже «половина дела» [Достоевский 1972–1990, т. 14, с. 210]. Принимать, любить жизнь – это значит принимать, любить и Того, Кто дает тебе ее.

«Если Бог есть, есть и человек; если Бога нет, нет и человека» [Барсотти, 1999, с. 178]: стремление опровергать Бога приводит к потере человеческого лица. В этом смысле интересно посмотреть вместе с Барсотти на фигуру Кириллова. Достоевский представляет его как человека добрейшего; также в его словах слышно эхо того, что в следующих романах скажут старец Зосима и паломник Макар о любви к каждому творению, к каждому листочку, здесь и сейчас. Барсотти спрашивает себя, возможно ли неверующему достичь того же состояния блаженства, которое свойственно великим святым? Какая разница между «мистикой атеизма» и «христианской мистикой»?

Первое, важное замечание Барсотти – о том, что Кириллов, хоть и добрый, не хочет быть добрым: ему все равно. Если Иван или Раскольников хотели опровергнуть моральный закон, и потому сотворили зло, то Кириллов находится уже «за» добром и злом: они для него не существуют. Также, Достоевский обращает внимание на его чёрные глаза «без блеску» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 187]: именно отсутствие блеска – по мнению Барсотти – говорит о том, что вместе со знанием о добре и зле Кириллов потерял и свое человеческое лицо, прежде всего – способность любить:

он <...> живет в некой самодостаточности, переживает свой опыт свободы, который как будто имеет некоторые черты сходства с опытом

святых. Ведь и святой, избавившись от эгоистических страстей, познает свою внутреннюю свободу; **однако святой, в своей свободе от эгоистических страстей, переживает страсть любви, любви, которая требует от него отдавать всю жизнь без остатка для всякого человека.** <...> Опыт Кириллова, конечно, не имеет ничего общего с богопознанием; его опыт, возможно, состоит в самоотождествлении с сотворенным духом, который разрывает свою связь с телом и живет, уже не подчиняясь законам времени, вне связи со всем разнообразием вещей, жизнью чистого духа, которая словно ставит человека по ту сторону добра и зла, живет в простоте, не знающей различий и дающей человеку чувство новизны, а может быть, и счастья. Этот опыт, на первый взгляд, родствен мистическому, но **одно отличие есть, причем качественно бесконечное: опыт Кириллова, в своем безразличии, не знает любви** [Барсотти, 1999, с. 219-220].

Кириллов показывает, что вопрос о добре и зле – это вовсе не нравственный, а религиозный вопрос, связанный с глубинной структурой человека. Эта структура в своей глубине говорит о том, что его создал кто-то другой, написавший в сердце человека моральный закон, который нельзя опровергнуть, не теряя одновременно своего человеческого лица. В итоге выбор между верой или неверием, который повторяется в творчестве Достоевского, – это выбор между зависимостью от Творца, которая дает человеку возможность быть по-настоящему собой, образом и подобием Его, или независимость, в котором человек как таковой погибает. Осознанное принятие этой зависимости – это святость, которая проявляется прежде всего как чувство единства со всем творением и со всеми людьми. Святой – «становится центром вселенной и уже не может существовать отдельно от какого бы то ни было создания – не только людей, но и свежих зеленых листьев, поющих птиц, далеких звезд» [Барсотти, 1999, с. 231]. Барсотти говорит о природе как о «первом знаке Бога», и в этом ключе смотрит на повторяющихся проявлениях единства с ней у Достоевского (например, целование земли). Но если природа – это **первый** знак присутствия Бога, то человек – **высочайший** знак его, поскольку создан по Его образу и подобию.

Разговор о святости ведет к последнему, важнейшему вопросу этой статьи, который, на самом деле, прозвучал уже не раз: по мне-

нию Барсотти, кто такой Христос для Достоевского? Автор пишет: «Нет сомнений в том, что Достоевский – писатель религиозный, но может возникнуть вопрос, является ли он **христианским** писателем» [Барсотти, 1999, с. 158]. И сразу же отвечает:

любовь Достоевского ко Христу, это, несомненно, любовь к реальной личности, а страстная приязнь ко Христу, по крайней мере, подразумевает признание Его божественности <...> он [Достоевский – К.К.] сам прояснил, кем был для него Христос. Не мудрецом, пусть даже величайшим, а – Богом. Достоевский чувствовал, что без Него все проваливается в пустоту, что все стоит или падает в зависимости от того, верит или не верит человек во Христа [Барсотти, 1999, с. 159].

У Барсотти остаются открытые вопросы ко «Христу Достоевского»¹⁵, однако, утверждения, подобные процитированному, повторяются и в других местах работы, и можно сказать, что эти слова являются окончательным ответом на вопрос о христианстве Достоевского. Чтобы лучше понять их, стоит сосредоточиться на комментарии Барсотти к «символу веры» Достоевского¹⁶. Для него слова в письме Фонвизиной являются не только свидетельством бесконечной любви Достоевского ко Христу:

это высказывание великого поэта несет в себе и совсем иное значение: оно стоит у истоков обновления всего католического и православного богословия. На смену чисто концептуальную богословию, которое на первое место ставило бытие, а на второе – личность, приходит, вместе с этой фразой, иная точка зрения, становящаяся все более ак-

¹⁵ «Конечно, Христос не мог бы быть Тем, Кем он был для Достоевского, не будь Он Богом, но это еще не значит, что Достоевский действительно верил в трансцендентного Бога Откровения; есть, напротив, основания полагать, что Христос мог быть для Достоевского образцом человека. Бог Достоевского служит человеку <...> В этом [речь идет о «Сне смешного человека» – К.К.] будущем мире Бог как-то вообще не нужен» [Барсотти, 1999, с. 160-161].

¹⁶ «Я скажу вам про себя, что я дитя века, дитя неверия и сомнения, до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой крышки. Каких страшных мучений стоила и стоит мне теперь эта жажда верить, которая тем сильнее в душе моей, чем более во мне доводов противных. И однако же Бог посылает мне иногда минуты, в которые я совершенно спокоен; в эти минуты я люблю и нахожу, что другими любим, и в такие-то минуты я сложил себе символ веры, в котором все для меня ясно и свято. Этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но с ревнивой любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того: если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше бы хотелось оставаться со Христом, нежели с истиной» [Достоевский 1972–1990, т. 28₁, с. 176].

туальной в последние десятилетия: христианское богословие и христианская духовность признают **примат личности и конкретного события – Христа – над абстрактным понятием истины**. Таким образом, высказывание Достоевского отнюдь не кошунственно; скорее, оно наталкивает на мысль, что истина или отождествляется с Христом, или не является истиной [Барсотти, 1999, с. 164-165].

Христос сам – Истина, не как модель поведения, а как конкретное, произошедшее событие: уже в прошлом году при разговоре о Гуардини мы встретили подобные высказывания¹⁷, что подтверждает слова Барсотти о том, что именно это понятие является основополагающим моментом для католического богословия XX века. Но если Истина – это не подборка мыслей, а живой человек, то о вере следует говорить через понятие «опыта», как об опыте встречи с человеком. Это тоже возвращающаяся категория в богословском дискурсе XX века, который Барсотти использует, чтобы объяснить любовь Достоевского ко Христу:

Подобно тому, как беспорен чувственный опыт (человек не может сомневаться в свидетельстве чувств), не существует сомнений, которые могли бы поставить под вопрос опыт веры. То, во что верит душа, – не результат некоего умозаключения, а ощущение реальности, предстоящей духу. В основе любви Достоевского ко Христу, собственно, и лежит сила внутреннего опыта [Барсотти, 1999, с.162-163].

В чем сила этого внутреннего опыта, почему Христос представляется не просто «мудрецом, пусть даже величайшим, а – Богом»? В произведениях Достоевского, по мнению Барсотти, можно увидеть, как Бог открывает себя во Христе благодаря двум отличительным чертам. Первая из них – милосердие, которое воспевается устами Мармеладова. Барсотти еще раз играет со словами Ивана Карамазова: «Разве не сказано, что если Бог есть, все позволено? Но верно и то, что, если Бог есть, все может быть прощено» [Барсотти, 1999, с. 155]. Бог, источник морального закона в человеке, во Христе проявляет себя как бесконечное милосердие к нему. Вторая черта – тот факт, что только Воплощенный Бог «признает и защищает достоинство человека и его свободу», как утверждается в легенде о Великом Инквизиторе.

¹⁷ См. [Корбелла, 2019¹, с. 148-149.]

Именно благодаря этим двум чертам – бесконечному милосердию и бесконечному уважению, которые присущи лишь Христу, «человек становится поистине человеком». Можно сказать, что именно в этом становлении и состоит тот «великий опыт» о котором говорилось в начале статьи, и причина, по которой Барсотти может утверждать, что «мы ощущаем его [Достоевского] одним из отцов современного мира, но не из тех отцов, которые изгоняли Бога с подмостков мира, а одного из тех, совсем немногих, которые, наоборот, укрепляли веру в Христа» [Барсотти, 1999, с. 165].

Список литературы

1. Барсотти, 1999 – *Барсотти Д.* Достоевский. Христос – страсть жизни. Пер. с ит. Л. Харитонов. М.: Паолине, 1999. 247 с.
2. Достоевский, 1972–1990 – *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
3. Корбелла, 2019¹ – *Корбелла К.* Романо Гуардини: присутствие Христа в текстах Достоевского // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2019. № 2(6). С. 146–158;
4. Корбелла, 2019² – *Корбелла К.* Романо Гуардини, читатель Данте и Достоевского // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2019. № 3(7). С. 210–226.
5. Barsotti, 2018 – *Barsotti D.* Dostoevskij. La passione per Cristo. Edizioni San Paolo s.r.l. 2018. 263 p.
6. Barsotti, 2017 – *Barsotti D.* Cristianesimo Russo. Cinisello Balsamo (MI) 2017. 275 p.

References

1. Barsotti D. *Dostoevskii. Khristos – strast' zhizni.* [Dostoevsky. Christ as the Love of Life]. Moscow, Paoline Publ., 1999. 247 p. (In Russ.)
2. Dostoevskii F.M. *Poln. sobr. soch.: v 30 t.* [Complete Works: in 30 Vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1972-1990. (In Russ.)
3. Corbella C. Romano Guardini: prisutstvie Khrista v tekstakh Dostoevskogo [Romano Guardini: the Presence of Christ in Dostoevsky's texts]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal* [Dostoevsky and World Culture. Philological Journal], 2019, No. 2(6), pp. 146-158. (In Russ.)
4. Corbella C. Romano Guardini, chitatel' Dante i Dostoevskogo [Romano Guardini, reader of Dante and Dostoevsky]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal* [Dostoevsky and World Culture. Philological Journal], 2019, No. 3(7), pp. 210-226. (In Russ.)
5. Barsotti D. *Dostoevskij. La passione per Cristo.* Edizioni San Paolo s.r.l. 2018. 263 p. (In Italian)
6. Barsotti D. *Cristianesimo Russo.* Cinisello Balsamo (MI) 2017. 275 p. (In Italian)